

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПАНДЕМИЯ (О ЧРЕЗМЕРНОЙ ЮРИДИЗАЦИИ ОБЩЕЖИТИЯ И ЗАБВЕНИИ ДРУГИХ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ)

Александр Иванович Бойко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bai-53@mail.ru

Аннотация. Россия, как и большинство стран мира, переживает сложный болезненный период своего развития, сопровождаемый попытками нормирования государством большинства областей бытия граждан, бизнеса и управления. С учётом официальных подсчётов количества одномоментно действующих в стране нормативных актов и отчётов нижней палаты Федерального собрания РФ о принимаемых ею ежегодно монографических законах и поправках к ним следует, что россиянам адресуется около 100 млн юридических правил. С таким количеством предписаний должным образом не справится самая квалифицированная каста юристов и управленческий аппарат любого государства.

Огромный нормативный массив порождает потребность в обременительной для бюджета численности чиновников, межотраслевые коллизии и выборочное применение правовых норм, коррупцию, отвлечение населения от материального и духовного производства, общественную нервозность. Негативные последствия чрезмерной по объёмам принимаемых и скорости обновления действующих нормативных актов юридизации социума замечены и оцениваются в науке.

Основной недостаток правотворчества получил название «законодательной инфляции», понимаемой как устойчивое увеличение нормативных массивов и их перманентная новеллизация. Отсюда отечественные правоведы сконцентрировались в основном на технологических претензиях к парламенту и попытках оказания ему соответствующей методической помощи. В статье же предпринята попытка развития проблемы. С опорой на экономические и медицинские знания, доктринальные взгляды российских и зарубежных учёных показано, что чрезмерное юридическое регулирование достигло порога пандемии и приведены доказательства этого: она охватывает не только парламентскую, но и правоприменительную деятельность; выделен и охарактеризован частнособственнический вирус данного негативного состояния; юридическая пандемия увязана с приватизацией, имущественным неравенством, атомизацией населения и его нравственной анемией; предложено постепенное взвешенное вытеснение юридических правил нравственными императивами, религиозными поучениями, опытом старшего поколения, обрядами и традициями, примерами подвижничества и героизма из истории этносов, поговорками и пословицами.

Заявлено в итоге, что в критические периоды эволюции даже «потребительскому» обществу становится понятной истина – для обустройства мирной производительной жизни народа нематериальные активы не менее важны, нежели имущественное благополучие и благоустроенный быт.

Ключевые слова: анемия, атомизация, деюридизация, законодательная инфляция, законодательная пандемия, интерес, нравственность, религия, эгоизм, юриспруденция

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 Теология «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность».

Для цитирования: Бойко А. И. Юридическая пандемия(о чрезмерной юридизации общежития и забвении других нормативных систем)// Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 17–31. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-17-31>

LEGAL PANDEMIC (ABOUT EXCESSIVE LEGALIZING OF THE HOSTEL AND OBLIVION OF OTHER REGULATORY SYSTEMS)

Alexander I. Boiko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bai-53@mail.ru

Abstract. Russia, like most countries of the world, is going through a difficult painful period of its development, accompanied by attempts by the state to normalize most areas of life of citizens, business and management. Taking into account official calculations of the number of regulations simultaneously in force in the country and reports of the lower house of the Federal Assembly of the Russian Federation on monographic laws and amendments adopted by it annually, it follows that about 100 million legal rules are addressed to Russians. With so many prescriptions, the most qualified caste of lawyers and the administrative apparatus of any state will not cope properly. A huge regulatory array generates the need for a burdensome number of officials for the budget, intersectoral collisions and selective application of legal norms, corruption, distraction of the population from material and spiritual production, social nervousness. The negative consequences of excessive in terms of the volume of accepted and the speed of updating of existing regulations of the legal system of society have been noticed and evaluated in science. The main drawback of lawmaking has been called «legislative inflation», understood as a steady increase in regulatory arrays and their permanent novelization. Hence, domestic lawyers concentrated mainly on technological claims to the parliament and attempts to provide it with appropriate methodological assistance. The article also attempts to develop the problem. Relying on economic and medical knowledge, doctrinal views of Russian and foreign scientists, it is shown that excessive legal regulation has reached the threshold of a pandemic and evidence of this is given: it covers not only parliamentary, but also law enforcement activities; the private-property virus of this negative state is identified and characterized; the legal pandemic is linked to privatization, property inequality, atomization of the population and his moral anemia; methods of gradual, balanced displacement of legal rules by moral imperatives, religious teachings, the experience of the older generation, rituals and traditions, examples of asceticism and heroism from the history of ethnic groups, sayings and proverbs are proposed. As a result, it is stated that in critical periods of evolution, even the «consumer» society becomes aware of the truth – intangible assets are no less important than property well-being and a well-ordered life for the arrangement of a peaceful productive life of the people.

Keywords: anemia, atomization, de-legitimization, legislative inflation, legislative pandemic, interest, morality, religion, egoism, jurisprudence

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project № 21-011-44228 Theology "Law and legal consciousness in the theological dimension: history and modernity".

For citation: Boiko A. I. Legal pandemic (about excessive legalizing of the hostel and oblivion of other regulatory systems). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):17–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-17-31>

*Чем ближе государство к падению,
тем многочисленнее его законы.
Публий Корнелий Тацит*

Россия, как и весь мир, переживает эпоху турбулентности, к которой и власти, и обыватели вынуждены приспосабливаться с помощью существенных перемен экономики, политического строя, прежних управленческих технологий и ранее сформировавшегося жизненного уклада. Большая часть обновлений в последние века принято оформлять юридически – для максимальной чёткости принимаемых решений, уведомления населения о юридических требованиях к его поведению, единообразного понимания изменений и дополнений закона правоприменителями. Это есть неизбежный объективный процесс. Дело же в другом – в объёмах (чрезмерных) и надёжности (длительности существования) новелл, а в этом отношении ситуация в России просто катастрофическая. Пик глобальных социально-экономических изменений в стране как будто бы миновал, а сопутствующий им нормативный массив продолжает нарастать. В юридическом отношении мы как по инерции движемся к точке бифуркации, по достижении которой правовые нормативы из обеспечительного средства реформ и развития могут трансформироваться в свою противоположность, в тормоз обновления и основу разочарования граждан в его полезности.

Проблема увлечения государства правотворчеством, причём поспешным, несбалансированным и некачественным, тщетность надежд на решение любых вопросов развития страны росчерком парламентского пера¹ давно замечена, активно обсуждается и критически оценивается в науке, а коллектив правительственного института даже предложил Федеральному Собранию РФ концептуальные соображения по содержательному и техническому совершенствованию его деятельности [2].

В рамках общей юриспруденции и частично в отраслевых науках негативное отношение к чрезмерной юридикации общежития постепенно консолидировалось в понятие «**законодательной инфляции**». Исследователи данного феномена (Ю. Г. Арзамасов, С. А. Белоусов, Н. А. Власенко, Н. Н. Вопленко, А. В. Дёмин, И. П. Кожокар, Е.А. Летаева, Т. Н. Москалькова, М. Ю. Осипов, И. В. Сехин, В.Н. Шутова и др.): видят в инфляции устойчивое наращивание объёма правовых норм и их постоянное обновление (см. подробнее:[3]); установили такие тенденции федерального законодательства как внесение поправок преимущественно в *монографические Кодексы, которые по логике, напротив, должны быть опорой стабильности всей правовой системы страны*; постепенное понижение срока «жизни» статей всех ФЗ; сохранение высокого уровня «повторного» или ошибочного законодательства парламента [4, с. 158–186].

Научная специализация автора, а также высочайшая принудительная сила и потенциальное человековредительство уголовного права (по М. Е. Салтыкову-Щедрину именовалось «гвардейской правоспособностью») обязывают дополнить этот обзор мнений о законодательной инфляции важной оговоркой: любые погрешности именно в тексте УК РФ травмируют население самым сильным образом, а потому особо нетерпимы [5, с. 19]. Однако отраслевой закон давно превратился в постоянный объект критики именно по тем причинам, что процесс его обновления «протекает с беспрецедентной в мировой истории интенсивностью» [6, с. 12], бессистемно [7], с субъективизмом [8] и даже с отступлением от конституционных директив [9]. Для характеристики продукта депутатских трудов используются даже такие эпитеты, как «порочное» [10] или «преступное» [11] законодательствование.

Нельзя ни признать правомерность выбора отечественными правоведами термина «**инфляция**» применительно к практике чрезмерного увлечения законодательством, поскольку в материнской области знаний (экономике) данное понятие (в вольном изложении юриста) означает переполнение какой-либо сферы избыточным материалом, отчего её потребительские свойства падают [12]. Инфляция считается негативным, но вполне допустимым и управляемым явлением, которое прогнозируют, включают в программы социально-экономического развития, с которым согласовывают различные управленческие меры. Инфляция зависит преимущественно от состояния национальной экономики, не выходит за рамки государственных границ и в этом отношении созвучна «медицинской» **эпидемии**, при которой «уровень заболеваемости определённой заразной болезнью значительно превышает обычно регистрируемый на данной (ограниченной национальной – А. Б.) территории за аналогичный период». Если же человечество встречается с высшей степенью развития эпидемического процесса, когда болезнь распространяется на территории целых континентов, ВОЗ фиксирует **пандемию** [13].

Утверждаем, что современные объёмы и несовершенство правового регулирования в РФ и большинстве стран, культивирующих рыночную модель экономики с сопутствующими социальными порядками, дают основания утверждать: мы и мир переживаем **юридическую пандемию**. Вот основания для подобного вывода.

Первое. Если четверть века назад Министерство юстиции РФ объявило о наличии в стране 1,5 млн действующих нормативных актов, то ныне таковых должно быть не менее 2 млн и содержат они примерно 100 млн юридических предписаний². С таким массивом правовых норм рачительно не справится каста юристов любой страны. Запредельный объём юридических правил и их

¹ Известнейший правовец страны еще в конце прошлого века с горечью заключил: «все – и депутаты, и ученые, и специалисты, и руководители – одержимы идеей подготовки и принятия законов. Сам факт их принятия стал рассматриваться как синоним эффективности законодательства. Плохо реализуемое законодательство превращается в «библиотеку законов», которой никто не пользуется» [1, с. 10].

² Только в Гражданском кодексе РФ из 4-х частей содержится более полутора тысяч статей (последовательно – Собрание законодательства РФ. № 32. 1994. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410; № 49 от 03.12.2001. Ст. 4552; № 52 от 25.12.2006, ч. 1. Ст. 5496), а почти каждая из них делится с помощью цифровой и буквенной нумерации на более дробные текстовые единицы, в каждой из которых содержится правовое предписание!

систематическое обновление безальтернативно порождают противоречия между ними, создают ситуацию «мутной воды» или благоприятную среду для коррупции, нервируют правоприменительные службы и обывателей.

Второе. Подводя итоги осенней сессии 2022 года, председатель Государственной думы объявил о рекорде в 653 отдельных монографических закона и наличии в портфеле на 2023 год 1 319 законопроектов. Согласно статистике российский парламент принял за 1999-2020 гг. 8 119 федеральных законов или по 386 отдельных ФЗ в год, а теперь почти в 2 раза больше лишь за одну сессию!¹. Тенденция стахановского труда народных избранников являет симптом юридической (законодательной) пандемии.

Третье. Юридическое регулирование ныне охватывает те сферы бытия людей, которые прежде не вызывали беспокойства, не требовали государственного вмешательства, поскольку надёжно управлялись национальным домостроем. Например, формирование «основной ячейки общества», несмотря на материальные взносы и проявление меркантильных расчётов бывалых родителей при благословении своих чад, в однородном советском обществе всё-таки производилось на взаимных чувствах жениха и невесты. Сегодня же семейный союз страхуется брачным контрактом, в котором вроде бы счастливые молодожёны на всякий случай письменно фиксируют свой индивидуальный пай в формирующуюся материальную базу семьи, а также придирчиво согласовывают (почти одновременно с публичной клятвой в верности!) правила раздела совместного имущества и прав на воспитание «будущих» детей на случай «уже ожидаемого» развода!

Четвёртое. Автор использует по отношению к пандемии эпитет «юридическая», а не «законодательная» из тех соображений, что правовое пресыщение начинается, но не ограничивается сферой нормотворчества, выйдя из неё, продолжает свое триумфальное шествие в управленческой и обывательской жизни. Если в известном на весь мир памфлете Г. Спенсера [14] очень резко осуждалась нулевая профессиональная подготовленность парламентариев к законотворчеству после выборов², то в нашем случае (юридическая пандемия) налицо свальный грех всех субъектов, прямо или косвенно участвующих в разработке, применении и толковании нормативных правил – самих депутатов, учёных, следователей, судей, прокуроров, адвокатов, политиков, правительственных чиновников, правозащитников, социологов...

Так, для претворения в жизнь и контроля за исполнением огромного числа правовых норм требуется и множество казённых управленцев – армия чиновников «уменьшенной» в 1991 г. РФ составляет уже 2,5 млн, в то время как в «большом» СССР их было всего 660 тыс. или в 4 раза меньше. Далее: значительный объём нормативных установлений в нынешней Отчизне сопровождается такими документальным и информационно-отчётным потоками, от которых буквально стонет вся управленческая система, социальные учреждения и обыватели. Бумажно-электронная занятость чиновников склоняет их к имитации труда по должности, сокращает контакты с населением, пожирает интеллект и гасит профессионализм.

Пятое. В странах с рыночной экономикой и индивидуалистической жизненной философией граждане участвуют в бесчисленных разбирательствах друг с другом. Например, ежегодно около 18 млн американцев, то есть каждый десятый взрослый житель США, подают иски минимум к 18 млн соотечественников – и какие это мелочные иски [15, с. 25, 39, 72, 84, 124]. Там юридическое сутяжничество превратилось буквально в национальную страсть, в очевидную особенность этнической культуры. Эта же судьба ждёт миллионы россиян, существующих в похожих (рыночных,

¹ Рекордные 653 закона: Госдума подвела итоги работы в 2022 году // <https://rg.ru/2022/12/23/pravopisanie.html> (дата обращения – 11.01 2023 года).

² Его следует считать пионерским протестом против невежества парламентариев, подкреплённым неопровержимыми суждениями и аргументами: «грехи законодателей являются... следствием отсутствия тех знаний, без которых законодатель не имеет морального права приступать к работе»; «бедствия, причинённые невежественными законодателями, многочисленнее тех, что произошли из-за невежественных врачей»; «некомпетентный законодатель постоянно увеличивает человеческие страдания, пытаясь их уменьшить»; «тысячи законов, принятых парламентом и отменяющих предыдущие, являются молчаливым признанием поражения»; «ни в одном деле нет такого поразительного несоответствия между сложностью задачи и неподготовленностью тех, кто берётся за её решение... самое чудовищное (зablуждение людей – А. Б.) заключается в том», что они «единственным делом, которое не требует никакой подготовки», считают искусство создавать законы для целого народа!» [14, с. 129, 130, 131, 133, 136].

частнособственнических, чрезмерно регламентированных государством) системах координат. Законодательная пандемия порождает правоприменительную, захватывает в свои объятия обывателей.

На наш взгляд, широкомасштабное увлечение юридическим регулированием вызвано кардинальным обновлением общежития, которое сопровождается забвением ментальных черт населения. Таких тектонических явлений в годы реформ было несколько, и мы назовём их ниже. Главным же движителем перемен выступила криминальная приватизация, породившая гигантское имущественное расслоение, не имеющее аналогов в других странах, с огромным шлейфом негативных последствий¹. Именно она обеспечила **социальную атомизацию** (общественную атмосферу, когда люди утрачивают доверие друг к другу, привычки и навыки коллективного решения общих проблем, отказываются от традиционных групповых связей, предпочитая им эгоистическое обособление и расширение сферы приватной жизни, и тем открывают шлюзы для масштабного государственного регулирования), безальтернативно порождающую **нравственную анемию** (социальную дезорганизацию, при которой отвергаются нормы и ценности предыдущих поколений, утрачиваются привычные духовные и поведенческие ориентиры, растёт социальная напряжённость). Цепочка «приватизация – атомизация – анемия»² порождает бедность и апатию, понижает производственно-общественную активность и темпы развития страны и тогда чуть ли не единственным средством спасения становится мелочное юридическое регулирование всех сторон жизни обывателей, управленцев и всего социума.

Для появления и распространения любой пандемии, как известно, требуются свой **вирус** и благоприятствующие **обстоятельства, ослабляющие организм**, подвергающийся пагубному внешнему воздействию. В нашем случае вирусом или привнесённым извне идеологическим фоном для увлечения юридическими средствами управления послужили универсальные установки западных стран – превознесение прав и свобод человека и гражданина при забвении обязанностей плюс приоритет личного интереса над общественными потребностями. Воспринятые и культивируемые новой Россией, уставшей от товарного голода и серого уюта советской эпохи, они стали олицетворять протестантский эгоизм или привилегии меньшинства социума, быстро превратились в разрушающий нашу страну изнутри вирус, а ещё проложили дорогу несправедливостям. О необходимости приемлемого сочетания принципа равенства с имущественной стратификацией населения, об опасности сползания юриспруденции в лоно кастовости и утраты обсуждаемым принципом статуса идеала в глазах граждан и мы подавали сигналы [18], и современные учёные из стран «пояса потребления» размышляют [19, р. 19-20; 20, с. 108].

Любой, посещающий занятия первокурсник юридического факультета легко усваивает постулат о корреспонденции прав и обязанностей – этих сообщающихся сосудов механизма государственного управления. Однако в российской Конституции закреплён явный дисбаланс в пользу прав и свобод, а именно: 1) они торжественно упоминаются в Преамбуле и статье 2 (как «высшая ценность»), а об обязанностях ни слова; 2) название главы 2 содержит слова «Права и свободы человека и гражданина», хотя в ней есть положения и об обязанностях (см. ниже); 3) оказывается «смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления» определяют только «права и свободы» (а обязанности нет) и только они «обеспечиваются правосудием» (ст. 18) – а имеет ли тогда конституционную основу административная либо уголовная ответственность, реализуемая за отступления от обязанностей или их нарушение? 4) Конституция обособленно закрепляет 36 прав и свобод человека и гражданина и только 4 обязанности (заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры; платить законно установленные налоги и сборы; сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам; защищать

¹ Профессор В. В. Лунеев, опираясь на совет античного Платона о предельном 4-х кратном имущественном расслоении социума, сообщает, что «разрыв в доходах самых бедных и самых богатых в России угрожающе растёт». Если в 1991 г. он составлял 1:4,5, в 1994 г. – 1:15, то «по данным правительственной программы социальных реформ на 1996-2000 годы этот разрыв был двадцатичетырёхкратным». И это при том, что в европейских странах данный показатель «близок к пятикратному, в США – к восьмикратному, а в Японии – к четырёхкратному. Социально опасным и наиболее криминальным считается 1:10 и больше» [16, с. 466].

² Более подробно о понятии, содержании и связи этих трёх детерминант см. в нашей публикации [17], развитием и продолжением которой является настоящая статья.

Отечество), причём в отношении последней обязанности Основной закон содержит «подсказку», как освободиться от неё (объявить, что несение военной службы противоречит пацифистским убеждениям или вероисповеданию призывника), а для носителей второй обязанности перманентно устраиваются амнистии и юридические преференции по ответственности; 5) по ст.ст. 49 и 51 Конституции граждане нашей страны освобождаются от обязанностей доказывать свою невиновность (компонент презумпции невиновности) и свидетельствовать против себя¹ либо близких родственников, но положений об освобождении индивидов от какого-либо права или свободы в тексте Основного закона нет; напротив, торжественно провозглашается, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), что их государственная защита гарантируется (ч. 1 ст. 45), а законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина, не должны издаваться (ч. 2 ст. 55). Вот такое равновесие прав и обязанностей, вот такая их корреспонденция. Конечно, трудно требовать абсолютной математической корреляции прав и обязанностей в «Основном законе» страны, но 9-тикратный разрыв между ними всё-таки впечатляет и вызывает к нахождению если не паритета, то удовлетворительной пропорции, к чему вернёмся в конце статьи.

В России, пишет известнейший учёный, «произошла некая абсолютизация и фетишизация прав, превращение их в самоцель», когда «на одном конце демократической оси – предельно широкий «ассортимент» прав и свобод; на другом – гораздо меньший по объёму, слабо отражённый в законодательстве перечень обязанностей и ответственности». А ведь «корреляция прав и обязанностей создаёт уравновешенное общественное состояние... режим наибольшего благоприятствования для повседневной жизнедеятельности людей» [21, с. 283, 281, 285]. О том же с горечью писал князь П.А. Вяземский – величайший эстет русской мысли и слова, свидетель перехода от патриархального феодального строя к индивидуалистическому капитализму: «человек в разногласии с обязанностями своими – живая аномалия или выродок» [22, с. 126].

Отсюда закономерен и справедлив мятежный вопрос: доживём ли мы до тех славных времен, когда человечество примет в эксплуатацию **Билль об обязанностях** и будут ли наши предки преклоняться перед ним с таким же благоговением, как ныне перед **Bill of Rights?!** Заявляем: лишь в том обществе, где каждый человек в материальной либо духовной сфере трудится как «раб на галере» и безукоризненно исполняет свои обязанности, все захлебнутся в «правах и свободах», в материальном достатке и удовольствиях; но без массового деятельно-ответственного поведения индивидов декларируемые права и свободы останутся пустым звуком, а сонм юридических средств побуждения к выполнению обязанностей ощутимых результатов не даст.

Второй компонент вируса юридической пандемии представлен идеологией **«личность – общество – государство»**, принятой на вооружение нашей страной на рубеже 80–90-х гг. прошлого века. Она как специально выставлена против коммунальности царской эпохи и советского строя, абсолютизирует личность и частный интерес, но главное: противоречит конституционному определению нашего государства как социального, а не индивидуалистического по своей природе образования (ст. 7) и древним юридическим заповедям², атомизирует население, подрывает коммунальные основы управления и открывает дорогу порокам, которые везде и всегда легко усваиваются и без учителей (Сенека). Возвышение индивида в традиционной связке основных ценностей цивилизации по минимуму влечёт демонстративное навязывание населению инноваций в половой и семейной сферах, а по максимуму – разжигает низменные инстинкты, общественные психозы и «цветные революции».

¹ Напомним, что в представлении гениального А. Ф. Кони свидетель есть «носитель (всего лишь – А. Б.) случайной повинности», однако данная **маловероятная** обязанность блокируется в Основном законе. И ещё: «свидетельствование против самого себя» – это самооговор подозреваемого либо обвиняемого, а не титульного в процессуальном смысле свидетеля.

² Древние римляне, сравнивавшие индивидуальное и коллективное начала управления, отдавали предпочтение последнему универсуму: *necessitas publica major est, quam privata* – общественная необходимость более важна, чем частная; *non capitur, qui jus publicum sequitur* – не обманывается и не преследуется судебным порядком тот, кто поступает в соответствии с публичным правом (Ulp. D.50,17,116,1); *privatum commodum publico cedit* – удобство частных лиц должно отступить перед общим благополучием; *lex citius tolerare vult privatum damnum, quam publicum malum* – закон допустит скорее потерю для частного лица, чем общественное зло; публичное право нельзя менять частными соглашениями (*Jus publicum privatorum pactis mutari non potest* (Pap. D.2,14,38)).

Автор не может удержаться от желания объявить некоторые «смертные истины», необходимые для продолжения разговора по данному вопросу: а) в любом государственном социуме на базе существующих классов (извините за ветхозаветную лексику – «страт», конечно же) и общественного разделения труда непременно консолидируется и оппонирует друг другу целая группа претензий на часть общественного пирога; б) в науке чаще всего заявляются, описываются и оцениваются на перспективу удовлетворения три таковых сводных претензии, именуемые личными, общественными и государственными интересами; в) два последних гуманитарной мыслью иногда объединяются в одну группу и называются «коммунальными интересами»; г) эволюция человечества вполне может изучаться и классифицироваться на периоды по степени выраженности, результатам соперничества и удовлетворения из общественных фондов личного, общественного и государственного интересов; д) нравственно озабоченные сциентисты искренне полагают, что по их рецептам согласования этих трёх групп притязаний людей удастся навести максимальную справедливость в вопросах объёма и очерёдности удовлетворения названных интересов; е) в последние годы, в русле яростных гуманитарных исканий, классическая триада социальных претензий выстроена по новому (прозападному) ранжиру и представлена формулой «личный – общественный – государственный» интересы; ж) выдвигая или поддерживая её, обществоведы и правоведы наивно полагают, будто власть согласится приходить в кассу последней, а представляющие публичную отрасль права криминалисты наслаждаются перегруппировкой родовых и интегрированных объектов посягательств в Особенной части действующего Уголовного кодекса РФ, но не отваживаются на её проверку хотя бы с помощью сравнения санкций статей 105 и 277 закона.

Автор находил возможность многократно¹ и аргументировано возражать против упоения новой (после и в противовес прежней обольстительной веры в «коммунизм») «формулой счастья», обосновывал предпочтение общественному интересу, основываясь на следующих базовых соображениях: а) ограниченность пищевых и прочих ресурсов для биологического существования, а также территорий для ничем не стеснённого выбора каждым индивидуумом места своего проживания в стране либо на всей планете исключает гегемонию личного интереса; б) при 8-миллиардном населении планеты трудно причислять к здоровым призывы чтить в качестве первоочередных персональные претензии каждого человека; в) по правилам диалектики в сфере социальной мысли объективно приоритетному компоненту дихотомии (а против необходимости не властны и сами Боги – Симонид) противостоит компонент, выполняющий в этой связке роль благородного ограничителя, недостижимого идеала, почки роста; г) гениальнейшее и доступнейшее для понимания, но не для использования озабоченными личными интересами людьми «золотое правило нравственности» предлагает обывателям укорачивать свои желания, дабы не стать жертвой встречного эгоизма; д) в зеркальном виде данное цивилизационное наставление звучит так: «где все хотят делать то, что они желают, никто не может (лучше бы «не сможет» – А.Б.) делать того, что он хочет» [24, с. 41].

В анналах философии и частных разделах обществознания накоплено значительное число доводов и хлёстких высказываний о первородстве общественного интереса в сравнении с личным: Ч. Беккариа – «на первом месте стоят нарушения, наносящие вред непосредственно обществу, а на последнем – самые незначительные нарушения прав частного лица» [25, с. 85]; И. Бентам и Б. Рассел – «добродетель состоит в пожертвовании меньшим интересом ради большего интереса» [26, с. 21; 27, р. 57]; К. А. Гельвеций – «если хочешь поступать честно, принимай в расчёт и верь только общественному интересу»; И. Кант – в основу знаменитой теории нравственности включил императив (должное), но не права, желания, претензии индивидов; М. Л. Кинг – личность может считаться удовлетворённой только в контексте общности; Р. Паунд – «в системе социальных интересов на первое место следует поставить требования, заявленные социальной группой и вызванные условиями жизни общества, которое необходимо обезопасить от угрожающих ему действий» [28, с. 4, 6].

Единственный, чувствительный для восприимчивых к аффектированным речам людей аргумент против ставки на общественную пользу в области юридического регулирования сводится к тому, что «общественный интерес (прежде – А. Б.) служил предлогом для всех ужасов и крайностей, о которых нам рассказывает история. Во имя общественного блага хотели оправдать Варфоломееву ночь, драгоннады, сентябрьские убийства, революционный трибунал и многие другие меры,

¹ Освобождая себя от приведения всех доводов личной позиции, приведём источник, где она выражена наиболее подробно: [23, § 2 главы III – «Нравственна ли новая идеология «личность – общество – государство?»].

не менее кровавые, не менее постыдные для человечества. Во имя общественного интереса рабство было удержано в американской конституции, которое стало впоследствии, как справедливое наказание, причиной гражданской войны... Нет такой подлой меры, такого безнравственного закона, нет такой гнусной тирании, такой безжалостной диктатуры, которые не призывали бы на помощь этой адской формулы, равно свойственной к угнетению, как и к развращению народов» [29, с. 72-74].

Но данные опасения легко парируются тем доводом, что цитируемый Адольф Франк исходил из котировки общественного интереса в качестве «**единственного принципа** (ниже ещё и **основания** – А. Б.) уголовного права». Так это давно было, а ныне – совсем не так; гуманитарные веяния полутора столетий после публикации приведённого мнения сформулировали отвес для господствующей дотеле социальной пользы в виде личного интереса и даже выдвинули последний на роль доминанты в их связке. За этот период и число носителей личного интереса намного выросло, и ресурсы матушки Земли истощились настолько, что задача укоротить вольные претензии индивидов стала безальтернативной. А решается она намного гуманнее, чем в те времена, которые описывает французский профессор XIX века – в форме гармоничного сочетания на данный период солидарных и личных потребностей. Сегодня и наверняка на мыслимое будущее в универсальной триаде ценностей «личность – общество – государство» придётся отдавать приоритет общественной пользе.

Внимательный читатель безусловно обратит внимание на склонность автора к морализованию, к сопоставлению духовных сил и аппаратных возможностей юриспруденции и нравственности. Но такую расположенность авторитеты мысли давно оправдывают эпохами перемен: «всякий раз, когда в обществе чувствуется необходимость перестроить существующие отношения между людьми, неизбежно начинается также оживлённое обсуждение нравственных вопросов» [30, с. 6]. Наш народ переживает подобный период. Российский реципиент, обжёгшийся на полученных от западных займодателей истинах, убедившийся в слабой приживляемости североатлантических имплантатов, превратился в былинного витязя на распутье, и потому нужда в морализовании становится абсолютной. Для подобных ситуаций Ева Анчел ввела в научный оборот некий, слабо осознаваемый нравственный императив, названный ею этосом: «он является там и тогда, где и когда традиции общества оказываются либо потерянными, либо подвергаются такой опасности, иначе говоря, когда эти традиции оказываются бессильными проявить себя. И тогда этос подобно стихийной невидимой силе повелевает людям не забывать о том, что они являют собой сообщество, что все они связаны друг с другом» [31, с. 4].

Однако основательность расчётов на (частичную) замену юридических нормативов этосом или коммунальной нравственностью зависит и от того, усматриваем ли мы перспективы этих средств для будущего. Известнейший американский философ, социолог и футуролог, к примеру, прогнозирует, что в ближайшее время человечество ожидает демассификация или господство меньшинств, что «в отличие от крайней стандартизации поведения, идей, языка и образа жизни массового (современного – А. Б.) общества общество будущего начнёт строиться на сегментации и дифференциации» [32, с. 565]. Всем землянам и россиянам тем самым безапелляционно пророчествуют социальную атомизацию с последующей нравственной анемией.

В таких случаях национальные лидеры и представители социальной мысли государств с большой территорией и солидным природными ресурсами, оттого перманентно подвергаемых набегам, интервенциям и вторжениям со стороны стран «золотого миллиарда», вправе и должны отвечать гордым латинским изречением «*etiam si omnes, ego non*», что в современной русской транскрипции означает следующее возражение: даже если весь мир согласится с перспективой демассификации, то мы (Россия) не примем её.

До последнего времени этизация или очеловечивание карательной деятельности государств как по приказу осуществлялись с помощью так называемых «общечеловеческих ценностей», которые, как пояснил последний глава советской внешней разведки Л. В. Шебаршин, «полностью совпадают с национальными интересами США», отчего «Россия (стала – А. Б.) полем битвы чужеземных теорий с отечественной практикой» [33, с. 4, 19]. Плохо, когда национальные элиты услужливо реципируют в законодательство и правоприменительную практику своих стран любые иноземные установки, демонстрируют откровенный отрыв от «родных пепелищ», ритуальное преклонение

перед социальным опытом государств-доноров¹. Сегодня у нас это привело к идеологии меньшинства или к протестантскому эгоизму, что подорвало опору на (коммунальную) ментальность собственного народа и условия его бытия.

Доказательств ошибочности и опасности данного, выбранного политическим руководством Отечества в конце прошлого века, вектора развития предостаточно: а) в Евангелии от Матфея сказано: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф, 2); б) вспомним и грозное предупреждение отечественного философа: «первое и основное, чем отличается государство XX века, – это сознательный, планомерный и последовательный отрыв от тех духовных корней, которыми оно доселе держалось и питалось: от религии, от нравственности и от национально-патриотического чувства» [35, с. 124]; в) в одном из последних телеинтервью долгожитель и патриарх художественной сатиры Б. Е. Ефимов тонко подметил, что «главная проблема сегодняшнего дня для России – отсутствие единой правды (веры, идеала – А. Б.) и наличие у каждого своей правды». Что ж тут странного: рыночный строй порождает эгоизм, подкрепляемый самооправданием; г) в представлении В.О. Лучина, «ослабление солидаристского характера» социума превращает его «в общество всеобщего риска»; антагонизирует «отношения между классами в результате усиливающейся дифференциации имущественного положения...»; разрушает различные «связи, обеспечивавшие единство социального пространства...»; отчуждает «всех и вся от общегосударственных интересов и общественных забот»; усиливает «антиобщественное и антигосударственное поведение...», что «чревато тотальной деструктуризацией российского общества, невозможностью превращения его в гражданское» [36, с. 232–233]; д) Президент РФ В. В. Путин в ходе выступления на заседании Валдайского клуба 21 октября 2021 года заявил, что индивидуалистический «подход в духе «своя рубашка ближе к телу» окончательно стал нормой, теперь этого даже и скрывать не пытаются, а зачастую даже этим кичатся, выставляют напоказ. Эгоистические интересы полностью взяли верх над понятием общего блага»². Да и вообще, скажем искренне и возмущённо: как можно уповать на демассификацию, господство меньшинств, сегментацию и дифференциацию социума, прогнозировать приоритет личного интереса над коммунальными потребностями в условиях проживания на планете с ограниченными ресурсами 8 млрд землян!

Особо оговорим, что для России предпочтение коммунальным потребностям перед личным интересом есть кричащая необходимость, а не свободный идеологический выбор. Наши предки жили и мы продолжаем жить в северном полушарии с суровым климатом, на огромных неравномерно заселённых пространствах, без разветвлённой сети надёжных транспортных коммуникаций, многие века занимаясь рискованным сельскохозяйственным производством, постоянно отражая набеги кочевников и «цивилизованных» европейцев, желающих приобрести новые плодородные земли и лесные угодья. В условиях ограниченности ресурсов на планете и перенаселённости ряда её регионов Россия с её малолюдьем, просторами и природными богатствами служила и будет служить объектом вождения для других этносов. При создании собственной государственности предки-русичи заимствовали в Византии (и уже многие века эксплуатируют на своих землях) в спайке с православием и её управленческую культуру, в основе которых верховенство морали над правом и коммунальности над эгоизмом, духа над буквой закона, резервное назначение *государственной* юриспруденции в механизме *общего социального* управления.

Из единого древнеримского юридического корня проросли два побега, но много веков назад культурные дороги Востока и Запада разошлись, в результате чего каждый цивилизационный регион сформировал собственный сплав нормативных систем – сообразно особенностям культуры, климата, уклада хозяйствования, быта, характера отношений с соседними этносами (см. об этом наше: [37, раздел II: Рим – Русь: трансмиссия права?]. Как итог, наша (всех народов России, а не только русских) духовная гидропоника в союзе с византийскими порядками и суровостью условий обитания в окружающей природе взрастила и почитала принцип господства коммунальных

¹ Али-Паша, великий визирь Турции XIX века в своём Политическом завещании потомкам назидательно написал: «в том случае, когда цивилизация есть результат иностранного экспорта, вместо того, чтобы следовать внутреннему, постепенному прогрессу, наши народы восприняли больше её пороков, чем добродетелей» [34, с. 104].

² Стенограмма заседания дискуссионного клуба «Валдай» // <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-diskussionnogo-kluba-valdai-21-10-2021.htm> (дата обращения – 19.19.2022).

потребностей над индивидуальными претензиями, а не наоборот: если «Азия – страна необходимости и объективного права», то «Европа – страна свободы и субъективного права» [38, с. 5]. Разумеется, «объективное и необходимое право» ориентировано на такой канал развития цивилизации, когда первичные расчёты делаются на мораль, то есть на долг и обязанности, на разумное воздержание от инстинктов и желаний, а в механизме своей реализации оно предполагает приоритет добровольно принятых ограничений перед внешним принуждением.

Вместо заключения. По результатам реформ, осуществлённым по западным калькам, атомизированная Россия находится в разбалансированном состоянии. Надеяться посредством юридических средств обеспечить единство народа, настроить страну на продуктивный режим (производство материальных и духовных благ вместо продажи природных ресурсов за рубеж и торговых спекуляций) трудно либо даже невозможно. В существующих условиях подобные расчёты и усилия по максимуму обеспечат лишь временную консервацию устоев общежития и сохранение управляемости в стране, а не эффективную и без эксцессов эволюцию.

Но самый надёжный путь построения сильной, самостоятельной, успешной и привлекательной России в современном её положении состоит в избавлении от разлагающего иноземного вируса, сокращении имущественного расслоения населения и частичной нейтрализации связанных с ним атомизации и анемии, постепенном вытеснении из общественной жизни значительной части юридических регуляторов с заменой их более человечными нормативами – религиозными назиданиями, нравственными постулатами, наставлениями старшего поколения, примерами подвижничества и пассионарности в исполнении героев этноса, даже поговорками и пословицами, в которых отложен бесценный социальный опыт предков, экстракт ментальности народа.

Разумеется, сомнения в полезности и даже незаменимости юридических средств недопустимы. Очевидны и причины роста объёмов правовых предписаний: а) реагировать на огромный фронт и динамику научно-технического прогресса с помощью естественных социальных реагентов (обычаи, традиции, нравственность, религия, опыт старшего поколения, мифология, героические страницы прошлого) социум не может; б) черепашьё по своим темпам нормообразование в массах явно не поспевает за эволюцией современного мобильного человечества; в) внедрённые «ценности» и социальная инженерия стран «пояса потребления» (разрешительный принцип социально-значимого поведения, прославление прав и свобод при умолчании об обязанностях, приоритет частного интереса над коммунальными потребностями) конусируются в протестантский эгоизм, что порождает повышенную конфликтность населения и потребность в обильном правовом регулировании; г) процесс глобализации, всемирная паутина, рост транспортных коммуникаций, миграционных и туристических потоков ломают или делают малорезультативными национальные юридические регламенты, а потому влекут потребность в систематическом обновлении последних; д) российская приватизация прошлого века, повлекшая громадное имущественное расслоение и фрагментацию некогда монолитного общества, появление на обломках гигантов плановой экономики десятков тысяч хозяйствующих единиц со своими уставами, с выходом на общественную сцену, конкурентной борьбой и тяжбами друг с другом заказали потребность в формировании новых отраслей (коммерческого, предпринимательского) законодательства и дорогостоящих разбирательств их споров в арбитраже и судах общей юрисдикции.

Конечно, возврат к порядочности миллионов людей, чья коммунальная мораль десятилетиями организованно подрывалась привозным протестантским эгоизмом, отчего внутри славного сообщества *homo sapiens* сформировалась и расширяется целая плеяда *homo zhulicos*, будет трудным. Но вытеснение хотя бы части юридических предписаний иными социальными нормами нужно начинать без промедления, а проводить осмысленно и организованно. Ведь нельзя откликаться на малейшие общественные шорохи мелочной правовой регламентацией. Лишь то общество имеет достойное будущее, которое делает преимущественную ставку на саморегуляцию, на нравственные стандарты, религиозные назидания и опыт старшего поколения, а не на понуждение к соблюдению официальных правил силою госаппарата. Ни чурания, ни скрытые личные самоукоры такой перспективе не способствуют¹.

¹ «Блуждание между нравственной анемией и беспорядочным раскаянием – вот единственная форма, в которой воплощаются те проблески общечеловеческих основ, которые бессильна заглушить даже беспощадная рабская дисциплина» [39, с. 584].

Vulgo: 1) право вообще, а его публичные отрасли – в особенности, призваны консервировать жизненные устои, чему союзниками выступают нравственность, религия и юридические максимы; 2) но заявляемый и устанавливаемый с их помощью социальный мир постоянно модернизируется благодаря хищному человеческому интересу и откликающимся на него политическим доктринам; 3) снятие диалектического противоречия между «коллективистской» нравственностью и «эгоистической» антропологией, инерцией и обновлением возможно посредством признания одной установки доминантой, а второй – предоставления статуса благородного ограничителя, некоего идеала, который, как известно, недостижим, но к которому следует стремиться как к отвесу господствующей установке; 4) заявленная калибровка двух стратегических ориентиров (коммунальный интерес – главный путеводитель, личный интерес – его благородный ограничитель) базируется на том доводе, что общество с его нравственностью важнее отдельной личности с её неприкосновенностью, автономией и эгоизмом, ибо места для строительства вилл на Лазурном берегу всем не хватит, а экономические, санитарные и экологические проблемы понуждают цивилизацию жертвовать требованиями частника – «потерявши голову, по волосам не плачут»; 5) искусственное возвышение индивида в традиционной связке основных ценностей цивилизации (личность – общество – государство) приводит к господству самоуверенного креативного меньшинства над молчаливым большинством обывателей (инерционных, склонных к законопослушанию жителей страны), что грозит перманентными социальными взрывами. Спасение личности не в борьбе с классическим правоведением и нравственными ограничениями, а в союзе с ними против возможного эгоистического поведения власти; 6) сторонникам приоритета личного интереса полезно напомнить парадокс, согласно которому индивид эволюционирует медленнее, нежели социальная организация, но вот консервирует мир как раз общественный, а не личный интерес (последний будоражит и разъедает общежитие); 7) ставка на общественный интерес в юриспруденции есть классика, которая гарантирует мир *всем*, но не удачу и счастье *избранным*. Она же дарует предпочтение эволюции перед революциями.

В критические периоды истории любой страны, когда над горизонтом поднимается и укорительно возвышается гигантский вопросительный знак о содержании будущего, обывателям и даже элите «открывается» прежде затёртая теснотой и истерикой жизни истина, что нематериальные активы не менее важны, нежели имущественное благополучие и благоустроенный быт. Понимание спасительной роли данной аксиомы продемонстрировано недавно союзной для нас Белоруссией – всё время после распада СССР культивирующей приоритет коммунальных интересов и потребностей, не сдавшей на металлолом предприятия и не разрушившей село, производящей, ухоженной, безопасной, обходящейся без олигархов и вывоза капитала за рубеж, кормящей молочной продукцией и снабжающей обувью «старшего брата» и потому устоявшей против попытки реализации «цветной революции» более двух лет назад.

Необходимость обращения к духовным истокам нации, к поведенческому багажу предшествующих поколений, к медленно вырабатываемым естественным порядкам, а не к «навязываемому» властью праву [40, с. 43–45], сегодня абсолютно востребовано в России, практически в одиночестве противостоящей «коллективному» Западу, который спровоцировал братоубийственный конфликт между славянскими народами и усматривает в нём очередной исторический шанс к обескровливанию нашей страны и подчинению её своему диктату.

Уступая праву титул *всеобщего* средства управления в силу научно-технического прогресса, чрезвычайной мобильности общества и усложнения его состава, иные нормативные системы приобретают свойство эталонного материала, который задаёт праву гуманную тональность. А значит, они «должны» аккуратно вытеснять из оборота юридические регуляторы в силу их явного излишества, прилагая к ним принцип «бритвы Оккама» или критерий «крайнего средства»¹.

Автор отдаёт себе отчёт в том, что его претензионная статья может быть встречена и со скепсисом. Дескать, действие философского постулата о переходе количественных изменений (существенное увеличение объёма правовых предписаний по сравнению с негосударственными установками в общем управленческом процессе) в качественные (закрепление социальной атомизации и духовной анемии, негативно влияющих на сохранение гражданского мира и эволюционного

¹ Юристы изысканного прошлого титуловали уголовное право «последним доводом», «хирургическим скальпелем» государства.

пути развития, производительную активность и душевный комфорт населения) хорошо показано, полезно и не подлежит сомнению. Но даже если это так, **абсолютного** паритета между находящимися в состоянии дихотомичного противостояния средствами (права – обязанности, правовая – другие нормативные системы) не бывает. Ведь в противном случае, при отсутствии несоответствий и противоречий вовсе, само развитие природы и общества прекратится. И потому важно некое **оптимальное** соотношение, а не **механическое равенство** конкурирующих объектов. Разительная диспропорция (крайняя степень различия) равноценна неблагоприятию, но где рецепт по движению к спасительной «золотой середине» и допустимым отклонениям от неё?

Заявляем известное. В гуманитарных науках вообще и в правоведении, в частности, подобных исследований, которые можно было бы использовать в качестве опоры для приложения к нашей проблеме – относительного равновесия прав и свобод, юридической и прочих нормативных систем – нет. Парадокс: если точные науки монологичны (активный субъект обследует стационарный объект), а гуманитарные – покоятся на диалогическом соумышлении с подвижным «человеческим» социумом, что сообщает последним свойство релятивизма и мотив к критическому пересмотру результатов анализа, то именно в общественности должны бы случиться пионерские опыты по разработке оптимальных соотношений идеальных установок. Ан нет, и тут нас опережают представители естествознания.

Интересное решение по определению гармоничного (близкого к устойчивому динамическому равновесию) состояния сравниваемых любых (естественных, социальных) систем предлагает доктор геолого-минералогических наук, профессор А. В. Кокин¹. В основе его метода «золотой пропорции» число Фидия ($\Phi = 1,618$) и близкие к нему «золотые числа» 0,618 либо 2,618, с помощью которых и устанавливается идеальное соотношение конкурирующих объектов. Чем дальше система отстоит от числа Φ , тем она сложнее и неустойчивее, является проблемной для использования. Именно при значительном удалении от золотой пропорции происходят самые крупные и опасные изменения в природе и обществе. А. В. Кокин доказательно утверждает, что его метод применим для фиксации оптимального соотношения между любыми конкурирующими началами и выводит принцип, согласно которому природа самоподобна и свое подобие транслирует на все уровни организации материи, вещества и социума.

Разумеется, возможность и пути приложения метода «золотого сечения» или «золотой пропорции» к юриспруденции, а равно полновесная программа движения к оптимальному соотношению юриспруденции и других нормативных систем в сфере управления заслуживает тщательного исследования и отдельных публикаций. К осуществлению данной задачи автор и приступит с обнародованием результатов в других публикациях.

И последнее. Проявлением высшей справедливости почитаем ситуацию, когда инициатива деюридизации общежития возбуждается именно правоведами, а ещё лучше – представителями охранительных отраслей, любое отступление от «золотой пропорции» в рамках которых чревато самыми тяжкими последствиями. Призываем в когорту застрельщиков для начала санитарной борьбы с юридической пандемией единомышленников-криминалистов. Представителям общей юриспруденции, деликтных и созидательных отраслей права также найдётся место под общей хоругвью. Sapienti sat².

Список источников

1. Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства // Журнал российского права. 1999. № 1 (26). С. 13–30.
2. Концепции развития Российского законодательства / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М.: Городец, 2004. 847 с.
3. Дёмин А. В. Законодательная инфляция и судебный активизм как способ её преодоления: на примере налоговых споров // Право и образование. 2016. № 2. С. 88–99.
4. Кожокарь И. П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 158–186.

¹ Самая последняя и известная монография (в соавторстве с сыном): Кокин А. В., Кокин А. А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции) [41].

² Умный поймет – лат.

5. Шляпочников А. С. О стабильности советского уголовного закона // Советское государство и право. 1957. № 12. С. 14–24.
6. Кузнецова Н. Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 12–16.
7. Агапов П. В. Бессистемность как дефект текущего уголовно-правового регулирования / Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 20–21.
8. Милюков С. Ф. О субъективизме и волюнтаризме в современной законотворческой деятельности / Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова 29–30 мая 2003 г. – М.: ЛексЭст, 2004. С. 50–52.
9. Комиссаров В. С., Кудрявцев В. Н., Кузнецова Н. Ф., Лунеев В. В. Конституция – это закон и для Государственной Думы // Государство и право. 2007. № 5. С. 13–16.
10. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М.: Юрлитинформ, 2014. 315 с.
11. Шестаков Д. А. От преступной любви до преступного законодательства. СПб.: Издательский дом «Альфа-ПРЕСС», 2015. 292 с.
12. Современный экономический словарь / Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. 2-е изд., испр. М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1998. 476 с. (<http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economical/fc/slovar-200-2.htm#zag-1869>) – дата обращения – 21.12.2022 г.
13. Большая Медицинская Энциклопедия / Главный редактор Б. В. Петровский. Изд-е третье, онлайн-версия: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php> (дата обращения – 11.01.2023 г.).
14. Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 129–136.
15. Хобби К. Р. Самые бестолковые тяжбы в мире. М.: ОАО «Изд-кий дом «Городец», 2004. 128 с.
16. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
17. Бойко А. И. Социальная атомизация, нравственная анемия и юридическая инфляция // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 35–45.
18. Бойко А. И. О естественности правовых обязанностей и некорректности возвеличивания субъективных прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 54–67.
19. Chapman D. Sociology and the stereotype of the criminal / In: Tavistok publications. London; NewYork [etc.], 1968. 260 p.
20. Там Х. Преступность и уровень жизни / Под общ. ред. В. П. Шупилова. М.: Прогресс, 1982. 252 с.
21. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2003. 510 с.
22. Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 463 с.
23. Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. – 248 с.
24. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. литература, 1985. 256 с.
25. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: «Стелс-БИМПА», 1995. 304 с.
26. Бентам И. Исследование об основах морали в законодательстве // Избранные сочинения Иеремии Бентама / Пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867. 678 с.
27. Russel V. Human Society in Ehtis and Politics. London: Allen & Unwin, 1954. 239 p.
28. Pound R. Criminal justice in America. Cambridge; Massachusets; Harvard Univ. Press, 1945. 226 p.
29. Философия уголовного права в популярном изложении Ад. Франка, профессора в Collège de France / перевод с французского Д. Слонимского. – С.-Петербург: в типографии О.И. Бакста, Невский, 71, 1868. – 244 с. (цит. по: Философия уголовного права / Сост., ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, проф. Ю.В. Голика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 348 с.).
30. Кропоткин П. А. Справедливость и нравственность: Публичная лекция. Пг.-М.: Голос труда, 1921. 55 с.
31. Анчел Е. Этос и история (перев. с венгр.). М.: Мысль, 1988. 127 с.
32. Тоффлер Э. Третья волна / Научный редактор П. С. Гуревич. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 784 с.

33. Шебаршин Л. Хроники безвременья. Заметки и афоризмы бывшего начальника разведки. М.: Редакция газеты «Трибуна»; В. Секачѳв, 2000. 191 с.
34. Новая история стран Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.): учебное пособие / Под редакцией профессора В.И. Овсянникова. М.: Социально-политический журнал, 1995. 323 с.
35. Ильин А. О грядущей России. Избр. ст. / Под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 366 с.
36. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 687 с.
37. Бойко А. И. Римское и современное уголовное право. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 259 с.
38. Брунс К. Г. Внешняя история римского права. М.: Унив. типография, 1904. 184 с.
39. Салтыков-Щедрин М. Е. Благонамеренные речи. М.: Правда, 1984. 640 с.
40. Ориу М. Основы публичного права / Перевод с фр. М.: Издательство коммунистической академии, 1929. 759 с.
41. Кокин А. В., Кокин А. А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции). М.: «ОООИнформ-Право», 2022. 232 с.

References

1. Tikhomirov Yu. A. The general concept of the development of Russian legislation. *Journal of Russian Law*. 1999;1(26):13–30. (In Russ.)
2. *Concepts of the development of Russian legislation / In-t legislation and compare. legal studies under the Government Grew. Federation; edited by T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, Yu. P. Orlovsky. Moscow: Gorodets; 2004. 847 p. (In Russ.)*
3. Demin A. V. Legislative inflation and judicial activism as a way to overcome it: on the example of tax disputes. *Law and Education*. 2016;(2):88–99. (In Russ.)
4. Kozhokar I. P. Legislative inflation: theoretical and legal research. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2022;(56):158–186. (In Russ.)
5. Shlyapochnikov A. S. On the stability of the Soviet criminal law. *Soviet state and law*. 1957;(12):14–24. (In Russ.)
6. Kuznetsova N. F. On the improvement of the criminal law. *Russian Justice*. 2009;(5):12–16. (In Russ.)
7. Agapov P. V. Haphazardness as a defect of current criminal law regulation. In: *Consistency in criminal law. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law, held on May 31 – June 1, 2007. Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House; 2007:20–21. (In Russ.)*
8. Milyukov S. F. On subjectivism and voluntarism in modern legislative activity. In: *International and national criminal legislation: problems of legal technique. Materials of the III scientific and practical conference held at the Legal faculty. Lomonosov Moscow State University May 29–30, 2003. Moscow: Lexest; 2004:50–52. (In Russ.)*
9. Komissarov V. S., Kudryavtsev V. N., Kuznetsova N. F., Luneev V. V. The Constitution is a law for the State Duma. *State and Law*. 2007;(5):13–16. (In Russ.)
10. Luneev V. V. *The origins and vices of Russian criminal lawmaking*. Moscow: Yurlitinform; 2014. 315 p. (In Russ.)
11. Shestakov D. A. *From criminal love to criminal legislation*. St. Petersburg; 2015. 292 p. (In Russ.)
12. *Modern economic dictionary / Raisberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. 2nd revised. Moscow: Publishing house "INFRA-M"; 1998. 476 p. Available from: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economical/fc/slovar-200-2.htm#zag-1869>. [Accessed 21 December 2022] (In Russ.)*
13. *The Great Medical Encyclopedia / Editor-in-Chief B. V. Petrovsky. Third edition, online version: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php> [Accessed 11 January 2023] (In Russ.)*
14. Spencer G. Sins of legislators. *Sociological research*. 1992;(2):129–136. (In Russ.)
15. Hobby K. R. *The most stupid lawsuits in the world*. Moscow; 2004. 128 p. (In Russ.)
16. Luneev V. V. *Crime of the XX century. Global, regional and Russian trends*. 2nd Ed., reprint. and additional. Moscow: Volters Kluwer; 2005. 912 p. (In Russ.)
17. Boyko A. I. Social atomization, moral anemia and legal inflation. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023;10(1):35–45. (In Russ.)
18. Boyko A. I. On the naturalness of legal obligations and the incorrectness of the glorification of subjective rights. *Legal policy and legal life*. 2004;(1):54–67. (In Russ.)
19. Chapman D. Sociology and the stereotype of the criminal. In: *Tavistok publications*. London; New York [etc.], 1968. 260 p.

20. There X. *Crime and standard of living*. Under the general editorship of V. P. Shupilov. Moscow; 1982. 252 p. (In Russ.)
21. Matuzov N. I. *Actual problems of the theory of law*. Saratov; 2003. 510 p. (In Russ.)
22. Vyazemsky P. A. *Aesthetics and literary criticism*. Moscow: Iskustvo, 1984. 463 p. (In Russ.)
23. Boyko A. I. *Moral and religious foundations of criminal law: monograph*. Moscow: Legal-litinform; 2010. 248 p. (In Russ.)
24. Karpets I. I. *Criminal law and ethics*. Moscow; 1985. 256 p. (In Russ.)
25. Beccaria Ch. *About crimes and punishments*. Moscow; 1995. 304 p. (In Russ.)
26. Bentham I. *Research on the foundations of morality in legislation*. In: *Selected works of Jeremiah Bentham*. Vol. 1. St. Petersburg; 1867. 678 p. (In Russ.)
27. Russel B. *Human Society in Ehtis and Politics*. London: Allen & Unwin; 1954. 239 p.
28. Pound R. *Criminal justice in America*. Cambridge; Massachusets; Harvard Univ. Press, 1945. 226 p.
29. *The philosophy of criminal law in the popular presentation of Hell*. Frank, professor at the Collège de France / translated from the French by D. Slonimsky. – St. Petersburg; in the printing house of O.I. Bakst, Nevsky, 71, 1868. – 244 p. (cit. by: *Philosophy of Criminal Law / Comp.*, ed. and intro. article doct. jurid. Sciences, prof. Yu.V. Golika. St. Petersburg.: Publishing house of R. Aslanov "Law Center Press", 2004. 348 p.). (In Russ.)
30. Kropotkin P. A. *Justice and morality: Public lecture*. Pg.-M.: Voice of Labor, 1921. 55 p.(In Russ.)
31. Ancel E. *Ethos and History* (transl. from Hungarian). Moscow: Mysl, 1988. 127 p. (In Russ.)
32. Toffler E. *The third wave / Scientific editor P. S. Gurevich*. Moscow: LLC "Firm "Publishing House ACT", 2004. 784 p. (In Russ.)
33. Shebarshin L. *Chronicles of timelessness. Notes and aphorisms of the former chief of intelligence*. Moscow: Editorial office of the newspaper "Tribune"; V. Sekachev, 2000. 191 p.(In Russ.)
34. *A new history of Asian countries (the second half of the XIX – early XX centuries): textbook*. Edited by Professor V. I. Ovsyannikov. Moscow: Socio-political Journal; 1995. 323 p. (In Russ.)
35. Ilyin A. *About the coming Russia. Elected Art*. Edited by N. P. Poltoratsky. Moscow; 1993. 366 p. (In Russ.)
36. Luchin V. O. *Constitution of the Russian Federation. Problems of implementation*. Moscow; 2012. 687 p. (In Russ.)
37. Boyko A. I. *Roman and modern criminal law*. St. Petersburg; 2003. 259 p. (In Russ.)
38. Bruns K. G. *External history of Roman law*. Moscow; 1904. 184 p. (In Russ.)
39. Saltykov-Shchedrin M. E. *Well-intentioned speeches*. Moscow; 1984. 640 p. (In Russ.)
40. Oriu M. *Fundamentals of public law*. Translated from French. M.: Publishing House of the Communist Academy, 1929. 759 p. (In Russ.)
41. Kokin A. V., Kokin A. A. *The Golden section and evolution (introduction to the general theory of nonlocal evolution)*. Moscow; 2022. 232 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Бойко – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. I. Boiko – Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 04.05.2023.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 04.05.2023.